

Николай ДОРИЗО

Третья дуэль

ОТРЫВОК ИЗ ТРАГЕДИИ

ОТ АВТОРА

Не только в дни юбилейных пушкинских торжеств, но в любой будничныи день и летом, и зимою можно увидеть безымянный и, что особенно трогательно, порой очень скромный букетик цветов, чьей-то рукой положенный к подножию памятника великому поэту, без бронзового облика которого немислима наша столица. Эти цветы как вечный огонь любви народной.

Но не только любовь к живому Пушкину бессмертна. Бессмертна острая, незазеченная годами боль, вызванная его трагической гибелью.

О последних днях Пушкина, об истории его дуэли с Дантесом писалось немало. Но многое, что писалось об этом в прошлые десятилетия, было несправедливо безжалостным по отношению к жене поэта, в верности которой он не сомневался даже в последние предсмертные минуты.

С юношеских лет я предчувствовал какую-то другую Ната-

лью Николаевну, не бездушную светскую красавицу, а юную, еще неопытную перед коварными светскими кознями, но верную, безгрешную подругу поэта, мать его детей, скромную и целомудренную душой русскую женщину, подаренную Гению судьбой и Россией и безжалостно отнятую у него вместе с жизнью.

В последние годы предчувствия мои оправдались, найдены неопровержимые доказательства в новых документах, опубликованных в книгах И. Ободовской и М. Дементьева, являющиеся, на мой взгляд, удивительным, во многом неожиданным открытием в науке о Пушкине. В этой связи уместно вспомнить прекрасную книгу члена-корреспондента Академии наук СССР Д. Д. Благого «Душа в заветной лире». И все-таки в сознании многих людей со школьных лет настолько прочно живет неверное представление об этой женщине, что, видимо, немало требуется публикаций, чтобы восстановить справедливость.

Наталья Николаевна—одна из главных действующих лиц моей новой трагедии в стихах «Третья дуэль», посвященной А. С. Пушкину.

Хотя в этой трагедии есть и вымышленные герои, в основном действуют в ней исторические лица. (Например, граф Соллогуб и все связанное с ним не вымышлено). Трагедия моя, как мне кажется, документальна. И все-таки она тоже одна из версий. Ведь когда, почти полтора века назад, разговаривали мои герои, они находились не в радиостудии. И пленки с записью их разговоров История, к сожалению, не сохранила.

Моя трагедия приходит к читателю как раз в пушкинский июньский месяц на страницах шестого номера журнала «Новый мир».

Это те скромные цветы, которые мне хочется положить в эти дни к подножию памятника Великому Пушкину.

Предлагаю вниманию читателя отрывок из этой трагедии.

САШКОВ

Я что-то не пойму.
Выходит, мужу измени она,
Но так, чтоб не заметил он обмана,
И жизнь его тем самым спасена
От поединка?

Странно, очень странно!

ЮРЬЕВ
(горячо)

Уж если Пушкина и виновата,
Так только в том, что дивно хороша.

САШКОВ
(с усмешкой)

Не надо защищать ее, не надо,
Поэт... у вас порывиста душа.
Наталья Николаевна не подруга
Такому гению. Сам дьявол их связал.

ЮРЬЕВ

О нет!
Они родились друг для друга.
Есть в этом высший смысл
И высший идеал.
Я вижу, вижу я прозревшего мечтою,
Как божий дух, к гармонии стремясь,
Соединил их, тем скрепивши связь
Поэзии

с родной ее сестрою —
Дарованною небом
красотой.

САШКОВ
(теряя самообладание)

Наш разговор бессмысленно пустой.
Кто эта женщина? Одним лишь
совершенством
Дано ей небом обладать. Она,
К несчастью,
совершенно не умна.
Дантеса завлекла своим кокетством,
Она ж в него, как кошка, влюблена.

ЮРЬЕВ

И что за диво ваши рассуждения,
Верней, не рассуждения, осуждения.
Еще вернее — жалкое вранье.
Я на балу вчера следил за вами, —
Восторженно влюбленными глазами
Вы издали смотрели на нее.
Смотрели вы с покорностью раба,
С тоскою жадной, безнадежно острой.
Она

лишь тем
для вас безнравственно глупа,
Что
вас
в толпе не замечает пестрой.
Вы, сударь, клеветник.

И был бы Пушкин здесь,
Он, как Дантеса, пригласил бы вас к барьеру.
Ведь честь жены —

его прямая честь.
Что ж! Применить придется эту меру
Мне
за него.

САШКОВ

Я принимаю вызов.

ЮРЬЕВ

Где, когда
Стреляться будем?

Граф СОЛЛОГУБ

Господа,
Вы ж были неразлучными друзьями,
Опомнитесь!

САШКОВ
(поблуднев)

Пусть бог рассудит нас!
(Достает из ящика стола пистолет. Стреляет в потолок).
Я сделал выстрел. Очередь за вами.
Стреляйте. Ну!

Хоть завтра,
хоть сейчас.
[Пауза. Юрьев порывисто бросается к нему. Обнимает].

ЮРЬЕВ

Вы любите меня. Вы добрый человек.
Вы только что мне это доказали,
О, если б все дуэли в наш жестокий век
Кончались так!

Граф СОЛЛОГУБ

Едва ли, ох, едва ли!

Ноябрь 1836 года. Кожаная квартира Сашкова. Она, как и другие места действия второго акта, является составной частью ансамбля декораций первого акта, олицетворяющего собой Петербург, империю, так, что действие может сразу переключиться в любое нужное место.

ЮРЬЕВ и САШКОВ. Входит граф СОЛЛОГУБ

ЮРЬЕВ

Граф Соллогуб! Ну наконец!.. Как он? Что с ним?

Граф СОЛЛОГУБ

Я только что от Пушкина.
Сегодня

послал он вызов на дуэль Дантесу, Меня он просит секундантом быть своим. А кажется, совсем еще недавно Мне самому он вызов посылал, Резнивий вызов, обожанью моему, Не только обожанью, поклоненью Наталье Николаевне Все мы тайно, Безмолвно, робко были влюблены В нее.

И даже те из нас, кто и в лицо ее не видел, Влюблялись беззаветно в это имя Красавицы, уже легендой ставшей, Избранницы волшебных вдохновений Того, кто был для нас почти что Бог. Поймав мои восторженные взгляды, Он вызов мне послал. Тогда, со мною, За Пушкина я не боялся. У кого Из русских поднялась рука бы на него! А вот Дантес — он славу русскую жалеть не будет.

Не знаю, что и делать: я ж в ответе За Пушкина перед Россией всей.

САШКОВ

Отговорить его во что бы то ни стало От поединка.

Граф СОЛЛОГУБ

Как отговорить?
Меня он вызвал на дуэль за то, что Лишь издали я робко любовался Его женой. А подлецу Дантесу, Что нагло ей

при всех
в любви клянется,
Такую дерзость Пушкин не простит.

ЮРЬЕВ
(задумчиво)

Предвижу я, такая есть минута, Когда спокойней умереть, чем жить на этом свете.

Он сам, поймите, сам он ищет смерти. Коль не Дантес, так кто-нибудь еще.

САШКОВ

Кто ж автор пасквиля, который, как чума, Врывается в дома?

ЮРЬЕВ

Кто? Это не секрет.
Весь высший свет.
Да, да, весь высший свет!
Не почерк ли графини Нессельроде, Уж если не ее надушенной руки, Так почерк хищного ее злорадства.
Не почерк ли Булгарина Фаддея, Пусть не его, но все же это почерк Его завистливой и мстительной душонки.
Ну а министр Уваров? Не его ли Державной злобой дышит этот пасквиль? Кто клеветник? Весь двор, весь высший свет!
А повод ко всему, конечно ж, дал Дантес.

САШКОВ

А может быть, Наталья Николаевна?

ЮРЬЕВ

Да, может быть, она,
мать вызвав Геккерена Супружескою верностью своей.
Ведь чад от их печи идет, ей-ей!

САШКОВ

Так что ж, выходит, не ее измена, А верность мужу — перст всевышней сей — Теперь грозит погильею ему?

ЮРЬЕВ

Да, может быть.